

On the question of the nature of households in the nomadic regions of the Russian Empire at the turn of XIX - XX centuries on the example of Kyrgyzstan

Arzymatova A.

К вопросу о характере хозяйств в кочевых регионах Российской империи на рубеже XIX – XX вв. на примере Кыргызстана

Арзыматова А. А.

Арзыматова Айнура Атыгаевна / Arzymatova Ainura - доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация: в статье предложена новая концепция характера докапиталистических отношений в колониальных окраинах Российской империи. Суть ее заключается в том, что Кыргызстан к началу Октябрьской социалистической революции находился только на первой стадии феодализма – патриархально-родовой, т.е. феодализм не прошел полного цикла. Поэтому фактором разложения патриархально-родовых отношений в кыргызском обществе был привнесенный извне русский капитализм, а не внутренние процессы в кыргызской азиатской общине. Отсюда в Кыргызстане не могли появиться капиталистические отношения и сформироваться объективные и субъективные предпосылки индустриальной революции.

Abstract: the paper proposes a new conception of the nature of pre-capitalist relations in the colonial outskirts of the Russian Empire. The main point in this article is that Kyrgyzstan in the beginning of the October Revolution was only on the first stage of feudalism - the patriarchal clan stage, i.e. feudalism has not passed its full cycle. Therefore, the expansion factor of patriarchal-tribal relations in Kyrgyz society has been introduced from outside by the Russian capitalism, not by the internal processes in the Kyrgyz Asian community. Hence, the capitalist relations could not appear in Kyrgyzstan and were not able to form an objective and subjective conditions of the industrial revolution.

Ключевые слова: Кыргызстан, Россия, империя, колония, феодализм, капиталистический уклад, промышленность, капитал, наемный труд, торговый капитал, кочевое общество, род, община, пастух.

Keywords: Kyrgyzstan, Russia, the empire, colony, feudalism, capitalist system, industry, capital, wage labor, trading capital, nomadic society, genus, community, the shepherd.

История Кыргызстана со времени принятия российского подданства и до распада СССР всегда рассматривалась в общем контексте российско-советской истории. В результате была сформирована и сформулирована концепция отечественной истории в рамках идеологических установок коммунистической партии. Изложение материалов дореволюционной истории Кыргызстана должно было идти в контексте выявления объективных и субъективных условий возрастающего революционного движения в России и Туркестане, сближения экономического и политического положения местных и русских трудящихся – переселенцев и их братского классового союза, приведших затем к победе Октябрьской социалистической революции на окраинах Российской империи. В рамках такой парадигмы в научной литературе было установлено, что к концу XIX и началу XX вв. в Кыргызстане сложился капиталистический уклад.

Но такой вывод находился в полном противоречии и абсолютно не совпадал с реальной действительностью и с классическими определениями К. Маркса и В. И. Ленина о характере докапиталистических обществ. Здесь мы должны пояснить, что критика марксизма, ленинизма широко развернувшаяся, как известно, с начала «перестройки» активно продолжалась до середины 90-х годов XX века. Критиковали не только отдельные положения, но и весь марксизм. На марксизм, как теорию, возлагалась ответственность и за сталинизм, и за кризис советского общества. Научность теории К. Маркса отрицалась без ее соотнесения с истинным марксизмом. Но сегодня в российской историографии, и мы с этим солидарны, сложилось однозначное понимание роли марксизма в научном анализе всемирно-исторического процесса. На Западе же марксизм всегда оставался одним из ведущих методологических направлений, по которому исследовалась её социальная история [1, с. 42]. Хорошо известно, что «школа Анналов» формировалась под сильным влиянием марксизма. Британская социальная история и, прежде всего, история рабочего класса складывалась как марксистская. Даже в США их социальная история, испытала на себе влияние марксистских идей. Единственное, что было положительным в «критике» марксизма – это его десакрализация и деидеологизация, пришедшее понимание, что К. Маркс не единственный, а один из многих величайших умов человечества.

Возвращаясь к вопросу о характере докапиталистических обществ в российских колониях, отметим, что К. Маркс считал: «...в колониях нет ещё отделения работника от условий труда и от земли... нет ещё и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена ещё сельская домашняя промышленность» [2, с. 778]. Ленин также неоднократно писал о «почти полном отсутствии промышленности в Туркестане» [3, с. 217-218]. Ч. Валиханов в своих записках, посвященных Кыргызстану, также показывает отсутствие всяких

форм промышленности у кочевых народов, объясняя это экономическими условиями кочевого скотоводства, которые требовали постоянных перекочевок по огромной территории, тогда, когда промышленное производство может быть развито только при оседлом местожительстве, т.к. более или менее развитые формы даже ремесленного производства предполагают смонтированные орудия производства в определенных производственных помещениях [4, с. 105-107]. Поэтому капиталистический уклад как сложившаяся сумма капиталистических элементов, которые разлагают старую формацию, не мог разложить патриархальный феодализм в Кыргызстане, потому что капиталистический уклад, как таковой в регионе к кануну Октябрьской революции ещё не сложился. Но процесс разложения патриархально-феодальных отношений начался, и фактором этого был привнесённый извне русский капитализм, а не внутренние процессы разложения патриархального феодализма в крае. Аналогичная точка зрения в кыргызской исторической науке в советский период была высказана единственно Есиповым Н. С., за что он был подвергнут острейшей обструкции. Есипов Н. С. писал: «производительные силы Кыргызстана не могли получить всестороннего развития в колониальных условиях... ее внутренние силы не в состоянии были внести какие либо заметные перемены в существовавший общественный строй... Здесь пролетарская революция началась почти при отсутствии, или отсутствии готовых форм капиталистического уклада. Установившиеся местные органы диктатуры пролетариата не являлись результатом внутреннего развития. Они складывались под воздействием внешних условий» [5, с. 54]. До Есипова Н. С. проблема наличия «внутренних сил зарождения капитализма в Туркестане» была поставлена в докладе узбекского историка Вахабова М. Г. на научной сессии в Ташкенте в 1954 г., посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. В заключительном слове, отвечая оппонентам, Вахабов М. Г. утверждал: «Очень много говорили о хлопководстве. Они были якобы промышленными очагами, изменившими социальный строй узбекского общества. Если в течение 20 лет (с 1880 по 1900 гг.) их насчитывалось всего 58, то через 15 лет число их возросло до 223. Увеличение в 4 раза. Можно ли из этого сделать вывод, что капитализм в Узбекистане за 15 лет развился в 4 раза?! Разве такой рост хлопководческой промышленности не был результатом того, что она насаждалась извне?» [6, с. 265-266]. Такая точка зрения Вахабова встретила острую критику со стороны организаторов научной сессии. В заключительном слове профессора Брагинского И. С. говорилось: «В итоге, если собрать все эти высказывания «о специфичности», то получается что Средняя Азия стоит вне исторического процесса развития, что рабство здесь не рабство, феодализм не феодализм, капитализм импортный и т.п.» [7, с. 564]. Позже, в 1967 году, в большом сводном труде среднеазиатских и казахстанских учёных «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» декларировался вывод о том, что в Туркестане накануне Октября внутренние предпосылки революции были налицо [8, с. 50]. А в Кыргызстане, в большом академическом труде «История Кыргызской ССР» также отмечалось, что некоторые ученые (Есипов Н. С.) «Вопреки общеизвестным фактам отрицали капиталистический уклад в экономике дореволюционной Киргизии, а потому «проглядели» и зарождение здесь новых социально-классовых сил – наемных рабочих и полупролетарских элементов в городе и на селе, сыгравших важную роль в событиях трех российских революций в крае» [9, с. 29-30]. «Подтягивание» исторических фактов к «объективным» предпосылкам Октябрьской революции выявилось также в преувеличении роли торгового капитала и возникающих товарно-денежных отношений в Кыргызстане после его присоединения к России. Это также, касалось и проблемы возникновения, наличности внутреннего рынка вообще, и как материальной базы нарождающейся «национальной буржуазии». Таким образом, советская историко-экономическая наука доказывала наличие внутренних условий для возникновения капиталистических отношений в Кыргызстане и указывали пути их формирования: киргизские кочевники-скотоводы были юридически свободными. Крепостного права, которое могло бы прикрепить их к земле, не было, так как для этого не имелось объективных предпосылок. При наличии крупных частных скотоводческих хозяйств свободный труд объективно обуславливал возникновение наемного труда, а последний не мог не порождать и капитал. Малоскотные кочевники и вовсе не имеющие скота в целях заработка средств существования вынуждены были наниматься к богатым скотовладельцам, что также способствовало образованию капитала, и что скот мог частично выступать в качестве капитала, когда он был средством эксплуатации наемного труда [10, с. 14]. Также советские историки и экономисты писали о том, что киргизские крупные скотоводческие хозяйства, имевшие нередко десятки тысяч овец, не могли обойтись без наемного труда [11, с. 224-225]. Но, существовал ли в предреволюционной Киргизии наемный труд именно капиталистического типа? Советская историография отвечала да, мы отвечаем, нет. Советская историография считала наемными работниками капиталистического типа пастухов и табунщиков. «Наем пастухов особенно распространен в конце XIX – начале XX вв., когда происходил процесс концентрации поголовья скота в руках местных эксплуататоров и что малайство отражает сущность найма рабочей силы» [12, с. 224-225]. Традиция считать пастухов – работниками наемного труда капиталистического типа, впервые в советской историографии была заложена Погорельским П. и Батраковым В. в их совместной работе «Экономика кочевого аула Киргизстана», вышедшей в 1930 г. в Москве. Перед этими авторами видимо стояла задача идеологического обоснования объективных и субъективных закономерностей совершившейся 13 лет назад Октябрьской социалистической революции в Кыргызстане. В параграфе «Капиталистические отношения в кочевом хозяйстве» авторы, доказывая распространение отношений прямого найма и положение сельскохозяйственных рабочих,

формируют вывод, что привлечение чужой рабочей силы должно свидетельствовать о проникновении капитализма в кочевое хозяйство гор» [13, с. 67]. Оспаривая неверные теоретические положения и выводы историко-экономической науки по анализируемой проблеме, отметим, что в кочевом обществе нет такого понятия, как юридические отношения, закон. Кочевое феодальное общество, к тому же в ранней, патриархальной стадии, как известно, функционирует на основе обычного права, родовых отношений. Поэтому, кочевая беднота была связана с родом, общиной, не на основе правовых отношений. Порвать с общиной, со своим родом, или встать на позицию противостояния с ними, бедняк-пастух не мог и в силу экономических причин, так как единолично не мог обеспечить себе и своей семье жизненные условия существования из-за суровых природно-климатических условий и кочевого образа жизни. Это один из базисных основ азиатского способа производства. Поэтому ни пастухи, ни табунщики в конце XIX – начале XX вв. не продавали своей рабочей силы владельцу средств производства. Они против своей воли, по обычаю, принуждались к труду, поскольку постоянно находились в состоянии «поголовного рабства». Включение в состав сельскохозяйственных рабочих всех батраков от домашних слуг до табунщиков и пастухов, естественно вело к искусственному увеличению сельскохозяйственных рабочих. Но кочевое общество кыргызов и батраки существовали и в...XIII, XIV, XV... веках. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет: «Наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течении столетия рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия» [14, с. 254]. К. Маркс также отмечает: «Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится капиталом. Выхваченная из этих отношений она так же не является капиталом, как золото само по себе не является деньгами. Капитал - общественное производственное отношение. Он историческое производственное отношение» [15, с. 775]. Вслед за Марксом и Энгельсом мы тоже можем сказать, пастух есть пастух и только при определенных отношениях, исторических производственных отношениях он может стать наемным рабочим. В связи с этим поставим вопрос: созрели ли в Кыргызстане внутренние необходимые исторические условия для возникновения капитализма на рубеже XIX – XX вв.? Как отмечалось выше, кыргызская историко-экономическая наука отвечала утвердительно. На наш взгляд, внутренних условий генезиса капитализма в кыргызском кочевом обществе быть никак не могло, даже на рубеже XIX–XX вв., поскольку существовавшая азиатская община была неизменна, устойчива. Внутренними условиями её разрушить невозможно. Только внешние условия могли привести её к разложению или к разрушению. Таковыми внешними историческими условиями, начиная со второй половины XIX века, стали колонизация края и развитие русского капитализма вширь.

Таким образом, все проблемы отечественной истории дореволюционного периода рубежа XIX – XX вв. концентрировались вокруг закономерностей победы Октябрьской революции в колониальных окраинах, были крайне политизированы и идеологизированы и не соответствовали реальной действительности.

Литература

1. Соколов А. К. Социальная история. [Текст]: Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. Ежегодник, 1998-1999. С. 42.
2. Маркс К., Энгельс Ф. [Текст]: соч. 2-е изд. Т. 23. С. 778.
3. Ленин В. И. [Текст]: Полн. собр. соч. Т. 31. С. 217–218.
4. Валиханов Ч. И. [Текст]: соч. в 5 т. Алма-Ата 1985. Т. 3. С. 192, 228. Т. 4. С. 105-107.
5. Есипов Н. С. [Текст]: Промышленное строительство в ранее отсталых странах. Исторический опыт Советской Киргизии. Фрунзе, 1962. С. 54.
6. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. [Текст]: Ташкент, 1955. С. 265-266
7. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. [Текст]: Ташкент, 1955. С. 564.
8. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. [Текст]: Ташкент, 1967. С. 50.
9. История Киргизской ССР. [Текст]: Фрунзе, 1986. Т. 2. С. 29–30.
10. Джунушов, К. [Текст]: Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии. Фрунзе, 1965. С. 14.
11. Возникновение капиталистических отношений в Кыргызстане в конце XIX - начале XX вв. [Текст]: Фрунзе, 1970. С. 224-225
12. Возникновение капиталистических отношений в Кыргызстане в конце XIX - начале XX вв. [Текст]: Фрунзе, 1970. С. 224-225.
13. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. [Текст]: М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930. С. 67.
14. Энгельс Ф. [Текст]: Анти-Дюринг. Москва, 1948. С. 254.
15. Маркс К., Энгельс Ф. [Текст]: соч. 2-е изд. Т. 23. С. 775.